

Т. 34.2

Игн. Закревскій

2111
320

✓

4849 243?

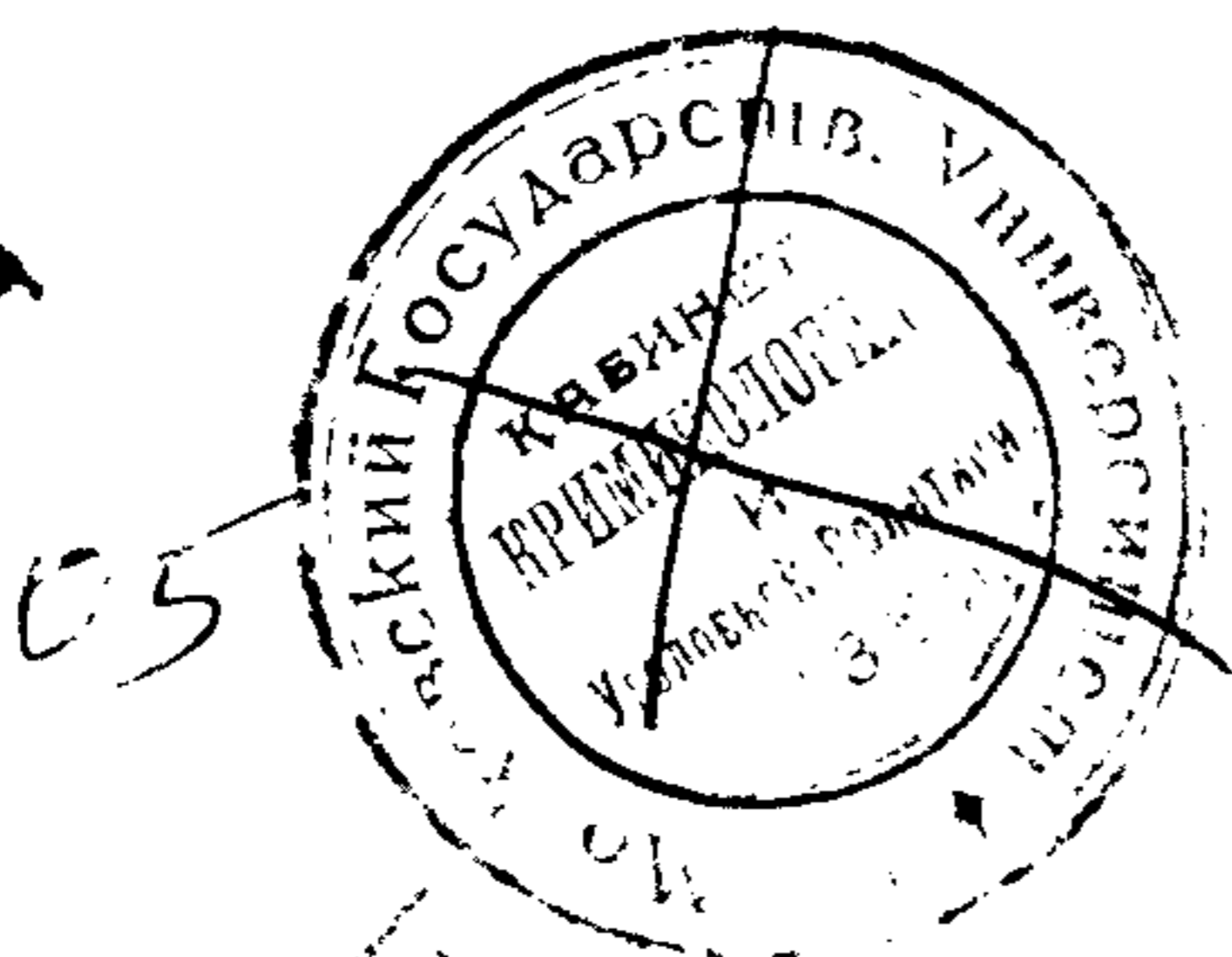
ЕЩЕ О СУДЬ ПРИСЯЖНЫХЪ

2111
Т. 396.

БИБЛИОТЕКА
 В. И. Ленина
 НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
 С. ПЕТЕРБУРГ

Прозвонко 1966

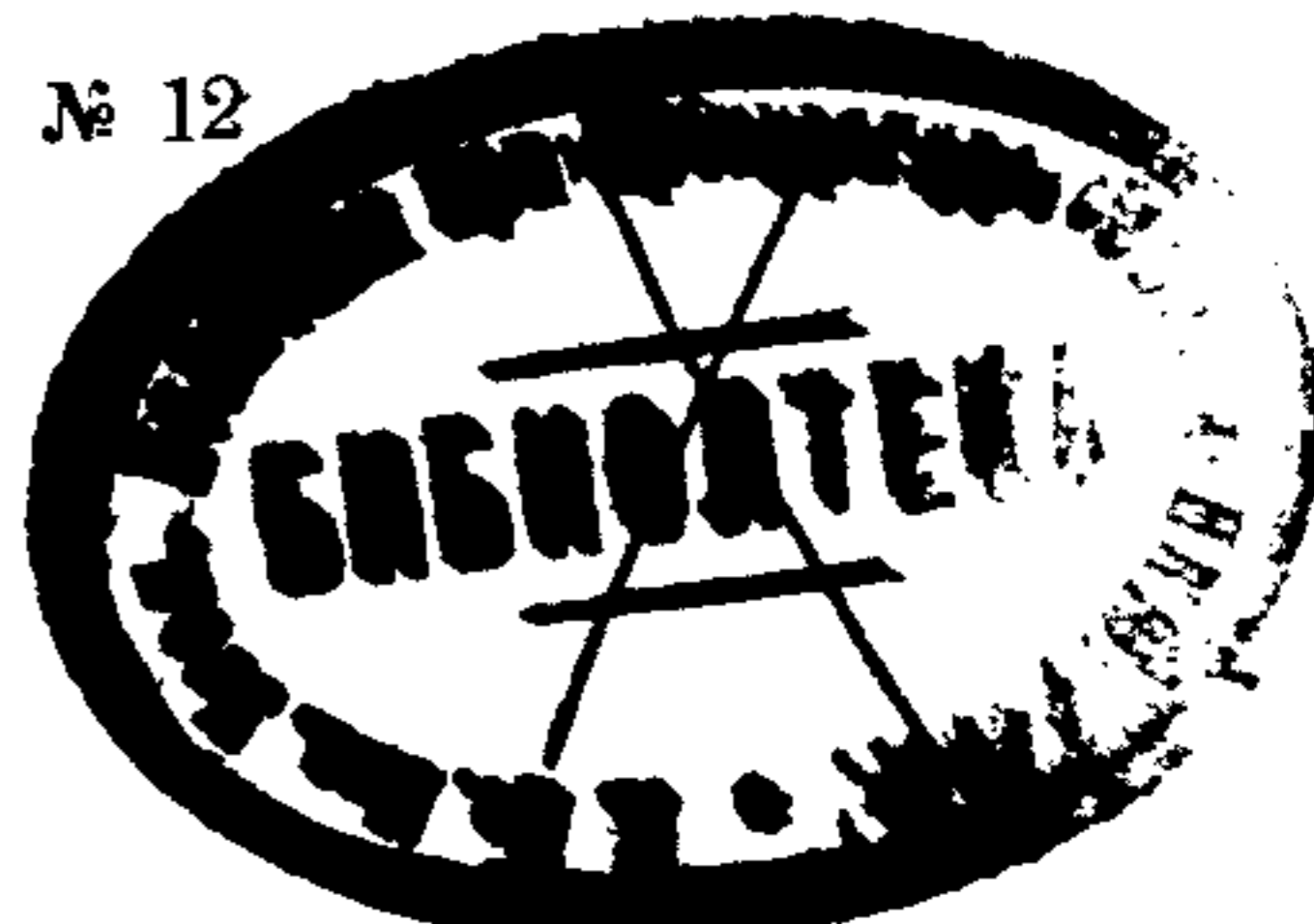
1999

1957 г.

~~2111~~

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
 Типографія П. П. Сойкина, Стремянная ул., № 12
 1896

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 марта 1896 г.

12031

МЮ
12031

1887г.

ЕЩЕ О СУДѢ ПРИСЯЖНЫХЪ.

Въ «Журналѣ Министерства Юстиціи», въ декабрѣ прошлаго года, была помѣщена статья моя подѣ заглавіемъ «Судѣ присяжныхъ и возможная реформа его». Статья эта вызвала критическія замѣчанія со стороны нѣкоторыхъ ѳргановъ печати. Между прочимъ, и въ упомянутомъ журналѣ, въ мартовской книжкѣ текущаго года, появилась статья, озаглавленная «Судѣ присяжныхъ и противники его»,—статья младенческая, въ которой меня причисляютъ къ разряду «ожесточеннѣйшихъ противниковъ» этого суда, проявляющихъ «враждебное отношеніе» къ нему.

Въ виду того, что подобная характеристика совершенно невѣрна, — что редакція «Журнала Министерства Юстиціи» не могла не знать, что она, въ данномъ случаѣ, печатаетъ явную неправду и не только относительно меня лично, но и относительно прочихъ авторовъ, изъ числа судебныхъ дѣятелей, упомянутыхъ въ этой статьѣ, которые ни въ чемъ не проявили ни враждебности къ суду присяжныхъ, ни ожесточенія относительно его, а воспользовались правомъ свободнаго, совѣстливаго обсужденія, на основаніи давныхъ многолѣтняго опыта,— въ виду всего этого, а также по современности, такъ сказать, предмета, я считаю не лишнимъ еще разъ возвратиться къ нему.

Въ вышеупомянутой декабрьской статьѣ моей я, между прочимъ, заявилъ, что, по мнѣнію моему, участіе не короннаго элемента въ дѣлѣ отправленія уголовного правосудія, из-

вѣстное до сихъ поръ въ большихъ размѣрахъ только въ видѣ присяжныхъ засѣдателей, составляетъ такое прогрессивное явленіе, которое не допускаетъ понятнаго движенія, — что устность и непосредственность судебного разбирательства, эти два коренныя начала современнаго уголовного процесса, охраняются присутствіемъ присяжныхъ засѣдателей среди судящихъ, — что это присутствіе обезпечиваетъ особенную внимательность со стороны судящихъ ко всѣмъ отличительнымъ особенностямъ каждаго даннаго дѣла, ко всей житейской обстановкѣ его, и противодѣйствуетъ косности и рутинѣ, — что судъ присяжныхъ пользуется довѣріемъ общества, и въ лицѣ людей образованныхъ и со стороны большой публики, а такое довѣріе — одно изъ важнѣйшихъ условій для благотворнаго вліянія суда, — что, наконецъ, къ вердиктамъ присяжныхъ засѣдателей, пока этотъ судъ существуетъ въ настоящей формѣ своей, какъ судъ, установленный государствомъ, кассационныя власти должны относиться съ надлежащимъ уваженіемъ, а не отмѣнять вердикты подъ легковѣсными формальными предлогами, связанными съ убѣжденіями кассационнаго суда относительно фактическихъ обстоятельствъ дѣла.

Сказавъ все это, я тѣмъ не менѣе обратилъ вниманіе и на отрицательныя стороны института, не мною открытыя, но подтвердившіяся и моими наблюденіями, — я указалъ на одинъ, также не мною сочиненный, способъ улучшенія механизма института, посредствомъ тѣснѣйшаго сліянія коронныхъ судей съ присяжными, — причемъ указывалъ это, не отрицая, разумѣется, возможности и другихъ способовъ, менѣе рѣшительныхъ, мѣнѣе измѣняющихъ существующія судопроизводственныя отношенія.

Тутъ-то оказалось, что я совершилъ чуть ли не *crime de lèse-majesté*, — что я «ожесточеннѣйшій противникъ суда присяжныхъ», что я допустилъ «рѣзкія нападки» и т. п. Значитъ, или не касайся предмета или повторяй все тѣ же опротивѣвшіе пустяки!

Дѣйствительно, имѣются учрежденія, о которыхъ очень опасно произносить какія бы то ни было сужденія. Если вы отважитесь на такой шагъ, то вамъ тотчасъ-же, съ той или другой стороны, поставятъ дурную отмѣтку за поведеніе. Вы окажетесь или зловреднымъ либераломъ или возмутительнѣйшимъ реакціонеромъ. Я дѣлаю слѣдующее предположеніе. Вы, положимъ, не принадлежите къ числу людей, восторгающихся всѣми проявленіями такъ называемаго крестьянскаго самоуправления. Вы допускаете, что на волостныхъ, сельскихъ, селенныхъ и тому подобныхъ сходахъ иногда творятся разныя безобразія, — что и водка, и кулаки, и подкупы и пр. подчасъ тутъ дѣйствуютъ. Вы не проливаете слезъ умиленія надъ прелестями общиннаго землевладѣнія, хотя признаете его, какъ бытовой фактъ, къ которому нужно относиться съ надлежащимъ вниманіемъ и осторожностью. Вы думаете, что извѣстный контроль надъ явленіями сельской общественной жизни, извѣстный надзоръ за ними можетъ принести существенную пользу. Но тѣмъ не менѣе, вы высказываете мысль, довольно элементарную и нисколько не возводящую васъ на степень открывателя соціологическихъ истинъ, что люди, которымъ поручены контроль и надзоръ, обязаны — несмотря на желательное служебное усердіе — все таки придерживаться предѣловъ закона и здраваго смысла, — что своевольничать имъ не подобаешь, а если они на это покушаются, то ихъ надлежитъ остановить и осадить, — что государство можетъ благополучно существовать и безъ широкихъ размаховъ административной необузданности и т. д. Какъ только вы это произнесете, тотчасъ-же извѣстныя лица васъ запишутъ на черную доску. Объявятъ, что вы, очевидно, принадлежите къ категоріи лицъ, зараженныхъ зловредными представленіями о необходимости чуть-ли не «правоваго порядка», — что между тѣмъ народъ нашъ прожилъ столѣтія безъ закорузлыхъ представленій о правѣ и безъ стѣснительнаго для его широкой природы порядка, — что для него вполне достаточно воздѣйствія традиціонной палки и отечественной зубо-

тычины, — что вы, наконецъ, будто-бы, посягаете на принципы одного изъ великолѣпнѣйшихъ произведеній оффициальнаго творчества.....

Положимъ, опять, что вы, не вѣря во всеспасающее дѣйствіе чиновничьяго хозяйничанія среди безсловеснаго и безмолвнаго общества, не думая, чтобы участіе общественнаго элемента въ собственныхъ своихъ дѣлахъ явилось у насъ только какъ плодъ «законовъ подражательности» и не имѣло бы подъ собою почвы въ нашей дѣйствительности, — полагая, напротивъ того, что такое участіе имѣетъ глубокое и разумное основаніе, — несмотря на все это вы, тѣмъ не менѣе, позвольте себѣ отнестись критически къ нѣкоторымъ формамъ участія общественнаго элемента, хотя бы, на примѣръ, къ современной формѣ присяжнаго суда. Тотчасъ же, съ другой стороны, вамъ дадутъ понять, что вы коснулись святыни, предмета культа, такихъ установленныхъ догматовъ, которыхъ «неудобно» обсуждать, а такъ какъ всякій культъ имѣетъ обыкновенно своихъ первосвященниковъ, то вамъ назовутъ даже имена мужей, авторитетъ которыхъ долженъ пресѣчь какія бы то ни было поползновенія съ вашей стороны имѣть собственное сужденіе. Они-де вѣщаютъ, что догматы не поколеблены теченіемъ жизни, — что все должно продолжаться такъ же и въ будущемъ, какъ было прежде. Какіе послѣ этого могутъ быть разговоры? Скажутъ еще, что вы хуже самыхъ отчаянныхъ сторонниковъ мрака. Тѣ, по крайней мѣрѣ, ударяютъ такъ прямо лбомъ объ стѣну, желая безтолково разрушить цѣлое зданіе независимаго суда, и тѣмъ обнаруживаютъ свое скудомысліе. Вы же осторожно вливаете ядъ въ организмъ, зная его нѣсколько больныя стороны, благодаря вашей многолѣтней близости къ нему. И вы тѣмъ вреднѣе... Добавятъ еще, быть можетъ, что даже ваши заявленія, на примѣръ, о цѣлесообразности оставленія общественнаго элемента въ судахъ, хотя бы въ искаженной формѣ, едва-ли плодъ совершенно самостоятельнаго сужденія: по звукамъ камертона, звенящаго на верху, вы соображаете,

что «предрѣшено» не изгонять общественниковъ, а потому вы сообразно этому дѣйствуете и говорите...

Я ни какъ не могу согласиться, чтобы такія рѣчи, такіе приемы, такая постановка общественныхъ вопросовъ представляла собою что либо совершенно серьезное.

Быть можетъ, что, дѣйствительно, такъ слѣдуетъ говорить для большой публики, для толпы. Она нуждается и во фразахъ, и въ кумирахъ, и въ первосвященникахъ. Но не то для людей наблюдающихъ и размышляющихъ...

Если кто, принадлежа къ разряду такихъ людей, заговариваетъ о судѣ присяжныхъ или о какомъ либо другомъ общественномъ институтѣ, взвѣсивая его положительныя и отрицательныя стороны по даннымъ опыта, то тотъ долженъ бы, кажется, прежде всего отрѣшиться отъ всякихъ суевѣрныхъ, туманно-сентиментальныхъ представлений, взглянуть живой дѣйствительности прямо въ глаза и поднять бесѣду до извѣстнаго уровня,—хотя бы до уровня современности.

А тутъ, когда мы заговорили о присяжныхъ, тотчасъ-же встрѣтились, независимо отъ всякихъ восклицаній, еще, на примѣръ, съ избытымъ доводомъ о томъ, что число обвинительныхъ вердиктовъ присяжныхъ не меньше, чѣмъ число обвинительныхъ приговоровъ коронныхъ судей. На сцену появились опять ничего не доказывающія статистическія цифры, процентныя отношенія и т. п. Но развѣ неизвѣстно, что этотъ доводъ не имѣетъ ровно никакого значенія, что важно не только *число* тѣхъ или другихъ приговоровъ, но и внутреннее содержаніе ихъ? Уголовная юстиція вліяетъ благотворно на общество не однимъ числомъ наказанныхъ субъектовъ—казненныхъ, сосланныхъ, заключенныхъ—а той увѣренностью, которую она вселяетъ, что не одно дѣяніе, воспрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія, не уйдетъ отъ возмездія, хотя бы далеко не чрезмѣрнаго, хотя бы съ примѣненіемъ «условнаго осужденія», въ видѣ французскаго «закона Беранже», но тѣмъ не менѣе возмездія,—что, какъ я уже

имѣлъ честь сказать, въ уголовномъ судѣ на пустякахъ не проѣдешь.

А тутъ то именно въ судѣ присяжныхъ по этой части не все обстоитъ благополучно, и не только въ смыслѣ оправдательномъ, но и обвинительномъ. Производство съ присяжными слишкомъ часто напоминаетъ лотерею-аллегри, при которой ставкою является судьба человѣка: виновный можетъ выйти сухимъ изъ воды, а не виновный чувствительно пострадать *). Вотъ эта-то случайность исхода дѣлъ и притомъ дѣлъ наиболѣе спорныхъ и въ общественномъ смыслѣ любопытныхъ и составляетъ самую слабую сторону всего разбирательства съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Да къ тому, хроническія недоразумѣнія между коронными судьями и присяжными, при полномъ раздѣленіи двухъ коллегій, путаница вопросовъ и т. п. Я вовсе не боюсь именно оправдательныхъ вердиктовъ. Я не думаю, чтобы лишній воръ, истязатель, изнасилователь, возвращенный безъ наказанія въ общество, представлялъ-бы особенную опасность и, конечно, болѣе страшусь легкомысленныхъ обвиненій. Я не упрекалъ присяжныхъ даже въ томъ, что они присваиваютъ себѣ «право помилованія», понимая, что законодатель не ввелъ бы присяжныхъ засѣдателей, еслибы желалъ, чтобы въ судахъ господствовалъ неуклонный, чуждый всякихъ жизненныхъ соображеній, формализмъ. Но что всегда наводило на меня тоску—это то, когда я видѣлъ, что судьи и при-

---

*) Принято какъ-то отзывать не уважительно о дѣятельности судебныхъ палатъ по обвинительной камерѣ. Все говорятъ о «штемпелеваніи» обвинительныхъ актовъ. Между тѣмъ говорящіе не вѣдаютъ, какое полезнае вліяніе судебныя палаты—по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, практику которыхъ я знаю,—оказываютъ при фильтрованіи дѣлъ, направляемыхъ прокурорскимъ надзоромъ въ судъ присяжныхъ. Тутъ обращается особенное вниманіе на дѣла, гдѣ присяжные склонны обвинять по предубѣжденію, по увлеченію, напр., дѣла о поджогахъ. Да позволено мнѣ будетъ вспомнить о почтеной и притомъ мало замѣтной для постороннихъ дѣятельности Харьковской судебной палаты по этой части и о превосходныхъ докладахъ по такимъ дѣламъ члена названной палаты Н. Н. Языкова.

сяжные, отдѣленные другъ отъ друга какъ-бы каменною стѣною, просто не понимаютъ другъ друга,—что присяжные сами не вѣдаютъ отчетливо что творять, и поневолѣ подчиняются голосу крикуна или нахала, попавшаго въ ихъ среду,—что они, теряясь въ лѣсу вопросовъ, не въ состояніи разобрать, чего отъ нихъ такъ настойчиво требуетъ судъ, а судьи не могутъ уяснить себѣ, по какимъ мотивамъ присяжные пришли къ тому или другому выводу *).

Ровно двадцать лѣтъ тому назадъ я писалъ, по поводу постановки вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ, что составляетъ центр тяжести всей путаницы, слѣдующее **): «Вмѣсто того, чтобы написать вопросъ въ нѣсколькихъ словахъ, судьи, излагая его по «фактическимъ признакамъ», исписываютъ полстраницы и этимъ самымъ уже затрудняютъ задачу присяжныхъ. Присяжные же, съ своей стороны, не ограничиваются иногда въ отвѣтѣ однимъ утвержденіемъ или отрицаніемъ, а, прибавляя слова, поясняющія ихъ мысль, отвергаютъ нѣкоторые изъ фактическихъ признаковъ; оказывается, что признаки существенны и выходитъ сумбуръ, среди котораго присяжные и судьи перестаютъ окончательно понимать другъ

---

*) Непониманіе мотивовъ присяжныхъ не есть только фраза съ моей стороны. Приведу слѣдующій примѣръ изъ собственной практики. Одно время бывшая канцелярія министерства юстиціи требовала особенно назойливо отъ провинціальныхъ органовъ свѣдѣнія о «вѣроятныхъ причинахъ» оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей, о которыхъ она узнавала по донесеніямъ нашимъ или по сообщеніямъ статистическаго отдѣленія министерства. Я пробовалъ сперва отвѣчать на эти вопросы по мѣрѣ сообразительности, но затѣмъ, замѣтивъ, что я впускаюсь въ область гаданія,—что особенно, разумѣется, неумѣстно въ оффиціальной перепискѣ,—я сталъ отговариваться невѣдѣніемъ. Такой отвѣтъ мой не понравился. Мнѣ было объяснено, что такъ какъ я занимаю извѣстное, довольно значительное служебное положеніе, то и долженъ обладать соотвѣтствующею проницательностью. Я остался при своемъ отказѣ. Тогда на меня посыпались громы, и я былъ самъ надлежащимъ образомъ подтянутъ, хотя въ концѣ концовъ настоялъ на своихъ заявленіяхъ о невѣдѣніи.

***) Судъ присяжныхъ по новѣйшему германскому законопроекту. Журналь гражданскаго и уголовнаго права. Январь—февраль 1876.

друга». (Обращаю особенное вниманіе читателя на то, сколько лѣтъ тому назадъ эти строки писались).

«Каждый присяжный» продолжалъ я «понялъ бы вопросы въ родѣ слѣдующихъ: «виновенъ ли дворникъ въ томъ, что укралъ метлу у домовладѣльца? виновенъ-ли поваръ въ томъ, что изнасиловалъ горничную? виновенъ-ли нотаріусъ въ томъ, что составилъ подложное духовное завѣщаніе отъ имени умершаго ростовщика? и т. п.

«Однако, такъ нельзя писать вопросы. На мѣсто слова *кража*, всѣмъ понятнаго, но которое есть будто бы юридическій терминъ, нужно ставить *тайное похищеніе съ цѣлю присвоенія себѣ*, что гораздо менѣе понятно. Вмѣсто употребленія слова изнасилованіе, подлогъ нужно изложить, какъ дѣло совершилось въ дѣйствительности, вводить въ вопросъ цѣлую массу подробностей и т. п. Все это наводитъ на слѣдующую мысль: законъ постановляетъ общимъ, кореннымъ правиломъ, что невѣдѣніемъ его никто отговариваться не можетъ. А между тѣмъ выходитъ, что текстъ законовъ, въ томъ числѣ уголовныхъ, написанъ въ такихъ темныхъ, неудобопонятныхъ выраженіяхъ, такими премудрыми, кабалистическими словами, что необходимо переводить ихъ на обыкновенный общеупотребительный языкъ для того, чтобы они стали доступными пониманію не однихъ жрецовъ-юристовъ, но и простыхъ смертныхъ, для назиданія которыхъ однако уголовный законъ преимущественно и написанъ?.. Если это *такъ*, то требованіе закона, чтобы никто не отзывался незнаніемъ его, оказывается просто плохою шуткою...»

Двадцать лѣтъ тому назадъ я думалъ, что упрощеніемъ редакціи вопросовъ можно помочь горю (а за это время кассационная практика и все возрастающіе случаи оспариванія состоянія вмѣняемости подсудимыхъ еще болѣе усложнили редакцію, а новыя психіатрическія и уголовно-соціологическія теоріи — и самое производство съ присяжными).

Теперь я и въ этомъ сомнѣваюсь, и — никогда не увлекавшись мыслями о «всемогуществѣ присяжныхъ», о «прему-

дрости голоса общественной совѣсти» — послѣдовательно прихожу къ выводу, что только непосредственное сближеніе присяжныхъ съ судьями, сліяніе этихъ двухъ коллегій, съ возможнымъ устраненіемъ разной формалистики, приведетъ къ полной сознательности при постановленіи приговоровъ.

Въ настоящее время въ случаѣ, напримѣръ, осужденія присяжными обвиняемаго, котораго судъ признаетъ не виновнымъ, онъ можетъ, по единогласному постановленію своему, передать дѣло на разрѣшеніе другого состава присяжныхъ. Но эта мѣра чрезвычайная, и единогласіе не всегда достижимо. При совмѣстномъ же обсужденіи дѣла каждый отдѣльный судья, сомнѣвающийся въ виновности обвиняемаго, могъ бы своевременно изложить предъ присяжными мотивированное мнѣніе свое, клонящееся къ оправданію подсудимаго. Надежды, что «резюме» предсѣдателя должно предупредить всякія недоразумѣнія — неосновательны. Развѣ можетъ предсѣдатель предусмотрѣть тотъ вздоръ, который будетъ впослѣдствіи говориться иногда въ совѣщательной комнатѣ присяжныхъ, и тѣ соображенія, которымъ они, по собственнымъ психологическимъ свойствамъ своимъ, придадутъ особенное, совершенно незаслуженное значеніе?

Возвращаясь къ моимъ почтеннымъ критикамъ, позволяю себѣ напомнить имъ, что мы говорили о томъ, какъ когда то относились къ суду присяжныхъ въ Западной Европѣ и какъ теперь къ нему относятся. Когда вводился институтъ присяжныхъ во Франціи, въ концѣ прошлаго столѣтія, увѣряли, что этотъ институтъ «долженъ противодѣйствовать порабощенію и тираніи». Введеніе суда присяжныхъ въ другихъ европейскихкихъ странахъ относится преимущественно къ 1848 и 1849 годамъ, когда правительства, подъ вліяніемъ тогдашняго настроенія народовъ, уступали имъ, соглашаясь допустить представителей ихъ къ участию въ законодательной дѣятельности и въ отправленіи правосудія. То было время ликоваій и восторговъ.

Между тѣмъ, институтъ, повидимому, не оправдалъ возлагавшихся на него упованій. «Общественный идеаль», — какъ характерно выражается Jean Guirri въ *Revue des deux mondes* — «зашатался на своемъ пьедесталѣ». Правительства стали постепенно, такъ сказать, отлучать его отъ политическихъ дѣлъ, для которыхъ онъ, въ сущности, вначалѣ и былъ созданъ, и даже уменьшать его компетентность по общимъ преступленіямъ. Вводятся «коррекціонализаціи», и не только законодательнымъ путемъ, но и другимъ способомъ, менѣе замѣтнымъ, менѣе достойнымъ, — посредствомъ произвольнаго игнорированія обвинительною властью увеличивающихъ вину обстоятельствъ. Это уже просто продѣлки, весьма несимпатичныя.

Все это встрѣчается во Франціи, Германіи, Бельгіи, Италіи. Въ Швейцаріи вводятся существенныя законодательныя поправки, создаются смѣшанныя присутствія изъ судей и присяжныхъ. Многіе юристы выражаютъ недовѣріе къ институту и — что весьма интересно — даже Гнейстъ, историкъ и комментаторъ политическихъ учрежденій Англіи, гдѣ присяжные играютъ такую первенствующую роль, переходить на сторону людей, желающихъ тѣснѣе сблизить присяжныхъ съ судомъ посредствомъ сліянія коллегій.

Пусть тѣ, которые стоятъ за судъ присяжныхъ въ настоящей формѣ, объяснятъ вышеприведенные факты и скажутъ намъ, почему это все такъ случилось на Западѣ, почему тамъ обнаружилось такое рѣзкое движеніе противъ суда присяжныхъ, если этотъ институтъ, въ настоящемъ его видѣ, дѣйствительно лучшее, до чего додумалось человѣчество по части отправленія уголовного правосудія?

По мнѣнію моему, упомянутое движеніе объясняется очень просто. По мѣрѣ того, какъ послѣ первыхъ возбужденій, стали все болѣе и болѣе урѣзывать компетенцію суда присяжныхъ, устраняя его отъ дѣлъ чисто политическаго свойства, тѣмъ болѣе сталъ онъ терять смыслъ свой, и начали все ярче обнаруживаться одни недостатки его по части юридическо-техни-

ческой, — тѣ случайности и та путаница, о которыхъ рѣчь была выше. Когда, въ 1873 году, германское правительство, замысливъ судебную реформу, возымѣло намѣреніе замѣнить судъ присяжныхъ «большимъ судомъ шеффеновъ», то особенно бурная оппозиція проявилась въ южной Германіи, — именно тамъ, гдѣ суду присяжныхъ были еще подвѣдомы дѣла по преступленіямъ печати.

Однако я, съ своей стороны, отважился бы, несмотря на все, привести кое что и въ пользу западноевропейскихъ присяжныхъ, хотя бы ихъ обвинительные вердикты по дѣламъ Равашоля и другихъ ему подобныхъ. Присяжные, не боясь за свою безопасность, которой угрожали не предъ чѣмъ не остававшияся убійцы, не увлекаясь увѣреніями, что эти убійцы и грабители будто-бы политическіе преступники, тѣмъ не менѣе стойко исполнили свой долгъ.

Далѣе, мы говорили, ссылаясь на примѣры, извлеченные изъ многолѣтней практики, о томъ, что изъ русскаго суда присяжныхъ нерѣдко выходятъ безъ наказанія обвиняемые, проявившіе дикое насиліе и въ особенности надъ личностями, находившимися отъ нихъ въ зависимости, а между тѣмъ въ томъ же судѣ произносятся обвинительные вердикты, которые едва-ли были-бы возможны со стороны людей, уже нѣсколько зараженныхъ представленіями о такъ называемой свободѣ совѣсти.

На это возразили: «что это за дѣла?... даны только заголовки... какъ-то дѣла эти производились? да не напуталь-ли самъ прокурорскій надзоръ?»... (Новый намекъ на старую басню о промахахъ судебныхъ чиновъ, отъ которыхъ такъ страдаютъ невинные присяжные). Но суть въ томъ, что въ данномъ случаѣ были выбраны именно *такія* дѣла, которыя особенно ярко отражаютъ взгляды среды. Тутъ не было налицо ни печати, вліяющей на исходъ процесса, предвосхищеніемъ его разоблаченій, ни искусной защиты, сбивающей, будто-бы, съ толку судящихъ и раскаты которой, какъ принято утверждать, вы-

зываютъ оправдательный вердиктъ, сопровождаемый рукоплесканіями слушателей и послѣдующимъ выносомъ на плечахъ отпущеннаго на всѣ четыре стороны подсудимаго. Дѣла, которыя я указалъ, производились просто, буднично, захоластно, по русски. Только по этому за ними можетъ быть признано сколько нибудь характерное значеніе. Но я самъ же готовъ заступиться за указанныхъ мною присяжныхъ, провозгласившихъ эти «возмутительные» оправдательные вердикты. Вѣдь они русскіе люди, живущіе въ русской средѣ. Развѣ протекла длинная историческая эпоха съ тѣхъ поръ, какъ у насъ отмѣнены шпицрутены, плети и т. п.? И не содѣйствуетъ-ли еще теперь полиція совмѣстно съ уголовнымъ судомъ удержанію господствующаго населенія въ лонѣ надлежащихъ вѣрованій? Что же удивительнаго, что присяжные, взятые изъ извѣстной среды, выражаютъ взгляды этой среды? Какъ же можетъ быть иначе? Что поразительнаго въ томъ, что лавочникъ или трактирщикъ, сидящій на скамьѣ присяжныхъ, отпускаетъ съ миромъ подсудимаго, переломившаго нѣсколько реберъ у жены, которую онъ «училъ», или свернувшаго голову парня, озорника, ослушника хозяину. «Такъ... по несчастію... рука разошлась...» И только (На языкѣ поклонниковъ культа присяжныхъ такое рѣшеніе называется «голосомъ общественной совѣсти», «торжествомъ жизненной правды надъ правдою формальною». Правда формальная, видите-ли, черствая, сухая, требуетъ, чтобы ребра жены и голова парня пользовались извѣстною охраною со стороны суда, который не долженъ, кажется, забывать, что на свѣтѣ существуютъ не только подсудимые, но и потерпѣвшіе,—что тѣ и другіе имѣютъ человѣческія и общественныя права. А «жизненная правда», какъ она понимается нѣкоторыми, гласитъ: «лупи сколько влѣзетъ, коли ты мужъ, хозяинъ или начальникъ»).

Не нужно забывать, что мы живемъ въ такомъ обществѣ, гдѣ еще серьезно дебатруется вопросъ о тѣлесномъ наказаніи для многочислѣннѣйшаго сословія въ государствѣ; что у насъ

Гамлетъ, выходя на политическую сцену, съ своимъ раздумьемъ и сомнѣніями, долженъ былъ бы начать свой монологъ со словъ: «сѣчь или не сѣчь?—вотъ въ чемъ вопросъ?»...

И развѣ образованный публицистъ, доказывающій, что нужно «наказывать» розгою мужика, и необразованный мужикъ «наказывающій» кулаками жену, не дѣлаютъ вывода изъ одной и той-же большой посылки?

Какъ же требовать, чтобы трактирщикъ-присяжный, лавочникъ-присяжный стоялъ, по взглядамъ своимъ, выше того общества, къ которому они принадлежатъ? Разъ мы беремъ судей изъ извѣстнаго общества, то имѣемъ и такихъ судей, каково общество.

Я не становлюсь на какія либо ходули, не смотрю на дѣйствительность чрезъ преломляющую лучи свѣта призму, не обвиняю ни присяжныхъ, ни лицъ судебныхъ, а просто разсматриваю, безъ всякаго субъективизма, факты изъ общественной жизни нашего отечества, а съ другой стороны выслушиваю всегда съ наслажденіемъ все то, что приводится основательнаго въ пользу психологіи русскихъ присяжныхъ.

Итакъ, я бы сказалъ о постановкѣ спорныхъ вопросовъ касательно участія общественнаго элемента въ уголовномъ судѣ прежде всего слѣдующее: станемъ говорить о нихъ, какъ люди живые и свободномыслящіе,—перестанемъ повторять изношенные, истрепанные, затасканные доводы, клонящіеся къ поддержанію въ добродушныхъ людяхъ представленія о томъ, что современный присяжный судъ, олицетворяемый теперешними присяжными—послѣднее слово человѣческаго творчества по части отправленія правосудія и огражденія гражданской свободы. Перестанемъ относиться къ нему, какъ къ предмету культа, догматы котораго могутъ быть толкуемы только извѣстными первосвященниками нашими. Присмотримся даже поближе къ дѣйствіямъ этихъ первосвященниковъ и постараемся разрѣшить сомнѣніе, не находятся ли у нихъ самихъ по части присяжнаго суда, такъ сказать, черты лица въ пуху? Не стре-

мились ли они иногда, подъ легковѣсными формальными предлогами, по собственнымъ своимъ соображеніямъ, уничтожить правильныя рѣшенія присяжныхъ, по крайней мѣрѣ такія, которыя были постановлены ими вполне сознательно и вылились изъ глубины души ихъ? Разумѣется, это все оправдывалось тѣмъ, что то были, будто-бы, «кригическія минуты въ жизни института».

При такомъ отношеніи къ нашему предмету все спорное легче уяснится.

Нѣтъ, кажется, сомнѣнія въ томъ, что желательно не сокращеніе, а расширеніе круга дѣйствія общественнаго элемента въ уголовныхъ судахъ,—расширеніе и территоріальное, допущеніемъ его на всемъ пространствѣ государства, и по компетентности, привлеченіемъ его и къ такимъ дѣламъ, въ которыхъ онъ до сихъ поръ не участвовалъ.

Разномысліе начинается съ того пункта, когда мы говоримъ, что общественный элементъ долженъ содѣйствовать уголовному суду въ исполненіи задачи его до конца, а именно, въ примѣненіи наказанія къ преступленію, а для этого онъ долженъ быть тѣснѣе слитъ съ короннымъ судомъ. Мы думаемъ, что самое раздѣленіе суда на двѣ коллегіи, судейской и присяжной, зиждется въ сущности на старой, заброшенной теоріи объ отдѣленіи вопросовъ факта отъ вопросовъ права (*Da mihi factum, dabo tibi jus*). Разъ эта теорія пала, какой смыслъ такъ крѣпко держаться за французскую идею о полномъ различіи функцій судей-чиновниковъ и гражданъ-присяжныхъ? А если функціи одни и тѣ же, если присяжный возводится на степень полноправнаго судьи, почему же не посадить его вмѣстѣ съ судьями?

На это отвѣчаютъ существенно одно, что, при такой постановкѣ, присяжные будутъ обезличены и изобразятъ изъ себя статистовъ, восклицающихъ только: «здравія желаемъ, рады стараться!» Не приписывая себѣ дара пророчества, я тѣмъ не менѣе скажу, что съ такимъ предположеніемъ не могу согла-

12031
ситься по всѣмъ моимъ наблюденіямъ надъ дѣйствительностью. Даже сословные представители, несмотря на малое число свое и своеобразный подборъ изъ числа должностныхъ лицъ, и тѣ нерѣдко вліяютъ на исходъ дѣла въ томъ или другомъ смыслѣ и проявляютъ признаки весьма почтенной самостоятельности. Припоминаю, между прочимъ—не придавая, конечно, единичному факту болѣе значенія, чѣмъ онъ заслуживаетъ — одного волостного старшину, который въ дѣлѣ о сопротивленіи властямъ, склоняясь сперва къ обвинительному приговору, потому что «мужика нужно поучить», затѣмъ тутъ же отказался отъ такого рѣшенія и стоялъ за оправданіе, когда узналъ, что обвинительный приговоръ повлечетъ за собою возложеніе на подсудимыхъ судебныхъ издержекъ въ разорительномъ для нихъ размѣрѣ. «Поучить слѣдуетъ» — все повторялъ онъ — «но разорять не должно». А разорительный размѣръ судебныхъ издержекъ зависѣлъ отъ процессуальной несообразности: отнесеніе, по высшимъ соображеніямъ, къ подсудности судебныхъ палатъ дѣлъ, которыя должны бы разбираться въ окружныхъ судахъ, гдѣ вызовъ свидѣтелей на близкихъ разстояніяхъ обходится значительно дешевле.

Факты, приводимые критикою, что и судебныя палаты съ сословными представителями постановляютъ иногда оправдательные приговоры, при доказанности обвиненія, въ такихъ дѣлахъ, какъ, на примѣръ, дѣла о многобрачїи, — эти факты говорятъ, не *противъ* меня, а самымъ сильнымъ, самымъ убѣдительнымъ образомъ *въ мою пользу*. Если столь независимо дѣйствуютъ судебныя мѣста съ сословными представителями, то несомнѣнно, что такое направленіе еще рѣшительнѣе будетъ проявляться, когда къ ихъ составу присоединятся присяжные засѣдатели въ бѣльшемъ сравнительно съ сословными представителями числѣ. Да кромѣ того, какъ я уже сказалъ, мнѣ не столько страшны оправдательные приговоры, сколько нутаница, недоразумѣнія, случайности.

Авторъ весьма дѣльныхъ статей, озаглавленныхъ «Къ во-

МО
Юрид

просу о судѣ присяжныхъ» и появившихся въ «Юридической Газетѣ» въ февралѣ текущаго года, возражая мнѣ, сводить свою аргументацію къ слѣдующимъ словамъ: «единственнымъ результатомъ измѣненія будетъ извращеніе самой сущности суда присяжныхъ, такъ какъ совѣсть, животворящее начало этого суда, будетъ изъ него изъята (?!), а взамѣнь совѣсти водворится господство «юридическаго склада ума», тѣмъ болѣе вреднаго, что въ молчаливомъ присутствіи присяжныхъ оно найдетъ себѣ санкцію и прикрытіе».

Но что это за «совѣсть»? спрошу я почтеннаго автора. Не переводъ ли это французскихъ изреченій: «omnipotence du jury; le jury juge des lois» и пр.? Еще Митермайеръ насъ училъ, что такую «совѣстью» не слѣдуетъ увлекаться, что въ Англіи никогда такъ дѣло не понимали. Да не ограждаетъ ли все-таки общество отъ произвола «юридическій складъ ума» болѣе, чѣмъ умъ, сдающійся на всякія хлесткія изреченія? И почему этотъ «юридическій складъ ума» долженъ быть непременно связанъ съ сухостью, съ черствостью и въ концѣ концовъ съ тупостью? Почему онъ не можетъ стоять на высотѣ современныхъ знаній, естественно-научныхъ и соціологическихъ, столь необходимыхъ въ настоящее время криминалисту, задача котораго все раздвигается и въ ширь и въ глубь?

Мнѣ думается, что при предложенной реформѣ ничья совѣсть не будетъ заглушена, — что, дѣйствительно, рѣже будутъ встрѣчаться эффектно-демонстративные оправдательные вердикты, но болѣе будетъ насчитываться приговоровъ, вполне согласныхъ съ обстоятельствами дѣла и со справедливостью, требующею, чтобы каждому было отмѣрено по дѣяніямъ его. Я предвижу — менѣе фейерверковъ и болѣе свѣта.

Всѣ вялыя, дѣтскія разсужденія, подкрѣпляемыя ссылками на разные ученые авторитеты о томъ, что въ судахъ не долженъ господствовать исключительно принципъ формальной законности съ полнымъ устраненіемъ понятій о такъ называемой правдѣ

и справедливости, при переводѣ ихъ на болѣе простой языкъ, сводятся въ сущности къ слѣдующему:

Всякое преступленіе совершается и при извѣстной житейской обстановкѣ и по извѣстнымъ мотивамъ и побужденіямъ. Отношенія между людьми, живущими въ обществѣ, опредѣляются не однимъ уголовнымъ закономъ, запреты котораго противодѣйствуютъ только самымъ грубымъ нарушеніямъ основъ общежитія, но и господствующими въ данной средѣ и эпохѣ болѣе тонкими этическими представленіями о добрыхъ и злыхъ дѣлахъ. Если извѣстное дѣяніе, несущее на себѣ несомнѣнно всѣ внѣшніе, формальныя признаки преступленія, тѣмъ не менѣе совершено по побужденіямъ, не возмущающимъ нравственнаго чувства или даже объясняющимся проявленіями его, — когда жертва, напримѣръ, сама тяжело нарушала всѣ свои нравственныя обязанности относительно совершившаго дѣяніе (уголовная юстиція имѣетъ, вѣдь, дѣло преимущественно съ внѣшнимъ дѣяніемъ, съ ближайшими цѣлями его, а нравственность — съ сокровеннѣйшими побужденіями), или если дѣяніе совершилось подъ гнетомъ общественныхъ условій, давленіе которыхъ равно иногда непреодолимой силѣ, — то, при такихъ обстоятельствахъ, у судьи, кто бы онъ ни былъ, коронный, сословный или присяжный (а для чести человѣчества нужно сказать, что у огромнаго большинства людей, независимо отъ ихъ общественнаго положенія и умственнаго кругозора, живо чувство справедливости) — является склонность не приравнивать такіа дѣянія къ числу опасныхъ, вредныхъ, преступныхъ, вызывающихъ кару и осужденіе. Конечно, тутъ существенно важно, что за личность этотъ судья? какою силою умственнаго зрѣнія онъ обладаетъ? Дикарь-ли онъ (у дикихъ людей имѣются также судьи) или онъ высокообразованный человѣкъ? Но, во всякомъ случаѣ, при условіяхъ нашей уголовной процедуры, судья коронный находитъ успокоеніе для совѣсти своей и исходъ своимъ сомнѣніямъ въ пѣвилинахъ уголовного закона; судья же присяжный, припертый къ стѣнѣ неуклюжею силой не

вполнѣ понятныхъ для него вопросовъ, можетъ отвѣтить только, какъ ему было нѣсколько разъ повторено, словами: «нѣтъ, не виновенъ» *).

Я не упустилъ упомянуть объ этой азбукѣ въ статьѣ, вызвавшей возраженія критики, и вынужденъ сдѣлать изъ нея слѣдующія выписки:

... «Что удивительнаго въ томъ, что на дѣлѣ тотъ или другой законъ оказывается неудобопримѣнимымъ, притѣснительнымъ, несправедливымъ, несоотвѣтствующимъ тому, что на самомъ дѣлѣ совершилось? Что удивительнаго, что жизнь съ ея безконечнымъ разнообразіемъ не укладывается въ извѣстныя отвлеченныя формулы? Вѣдь умышленное убійство, какъ оно предусмотрено уголовнымъ уложеніемъ и определено въ учебникахъ уголовного права, съ одной стороны, и извѣстное дѣяніе, заключающее въ себѣ внѣшніе признаки лишенія жизни, но сопровождающееся извинительными обстоятельствами, съ другой, представляется чѣмъ то совершенно различнымъ, въ особенности, когда видишь предъ собою живыхъ людей, обвиняемыхъ.

Несмотря на своеобразность многихъ рѣшеній присяжныхъ засѣдателей, зависящую отъ ихъ умственного кругозора, а также и отъ неудовлетворительности всей процедуры, въ концѣ которой они оказываются брошенными безпомощно въ совѣщательную комнату съ непонятными для нихъ, путанными вопросами, — не смотря на все это, нѣкоторые вердикты ихъ болѣе удовлетворяютъ тому, что называютъ простымъ человѣческимъ чувствомъ, чѣмъ рѣшенія, которыя вынесли бы по такимъ дѣламъ самые мудрые изъ профессиональныхъ юристовъ».

Удивляюсь, какъ можно совершенно серьезно, длинно, съ

---

*) Чувство судьи бываетъ иногда очень мучительнымъ. Я судилъ большія уголовныя дѣла и съ присяжными и безъ присяжныхъ, и долженъ сказать, что съ присяжными, въ большинствѣ случаевъ, для совѣсти, конечно, гораздо легче. «Они рѣшаютъ и они нравственно отвѣчаютъ», думается. Не тѣмъ не менѣе и присутствіе присяжныхъ не всегда освобождаетъ отъ послѣдующихъ угрызеній. Бываютъ дѣла такія спорныя и сомнительныя! На мысль приходитъ потомъ: «а можетъ быть они обвинили, слушая меня, толкуя въ извѣстномъ смыслѣ мои слова!..» Когда самъ рѣшалъ, то знаешь, по крайней мѣрѣ, почему такъ рѣшилъ, а тутъ — Богъ знаетъ. Въ особенности, когда нападешь случайно на составъ съ обвинительнымъ направлениемъ. Я помню одну сессию въ Царскомъ Селѣ, гдѣ у насъ назначено было къ слушанію 21 дѣло. Но 20-ти изъ нихъ послѣдовали обвинительные вердикты; оправданъ былъ только одинъ подсудимый, и тотъ совершилъ дѣяніе, заключающее въ себѣ всѣ внѣшніе признаки преступленія: составилъ подложный видъ на жительство по невозможности достать законный, вслѣдствіе формальныхъ крючковъ.

учебниками въ рукахъ, доказывать, что въ судахъ не слѣдуетъ руководствоваться однимъ тупымъ формализмомъ, не вѣдающимъ, что кругомъ его на свѣтѣ творится, когда—независимо отъ того, что было сказано и написано по этому предмету до нашего рожденія—возникло на нашихъ глазахъ сильное научное движеніе, уже не удовлетворяющееся «жизненною правдой», въ лицѣ современныхъ присяжныхъ, къ которымъ это движеніе относится и скептически и иронически, и которое требуетъ введенія въ сферу уголовной юстиціи еще болѣе реальной правды,—той, которую наука открываетъ въ лабораторіяхъ, въ клиникахъ, на анатомическихъ столахъ...

Но изъ того, что я высказываюсь за возможность улучшенія современной формы суда присяжныхъ, изъ того, что я далеко не закрываю глаза на ея слабыя стороны, не слѣдуетъ выводить, чтобы я стремился на практикѣ къ ея уничтоженію. Напротивъ того, я придерживаюсь взгляда, что вопросъ этотъ не созрѣлъ для практической реформы. Убѣжденныхъ еще мало. А навязывать своихъ убѣжденій меньшинство не должно. Изъ того, что на Западѣ обнаружилось довольно сильное движеніе, законодательное, научное и публицистическое, противъ вышеозначенной формы и что въ Россіи появилось нѣсколько статей въ томъ же направленіи,—статей полезныхъ уже потому, что онѣ доставили возможность сторонникамъ традиціонной формы присяжнаго суда доказывать ея живучесть,—еще никакъ не слѣдуетъ выводить заключенія, чтобы было необходимо тотчасъ же приступить къ коренной перестройкѣ существующаго.

Пусть сперва консервативный Западъ, не мѣняющій легко своихъ учрежденій, въ особенности такихъ, съ которыми связаны у него почтенныя воспоминанія, — пусть онъ покажетъ намъ примѣръ. Притомъ, не только въ лицѣ столь незначительной по размѣрамъ своимъ страны, какъ тотъ или другой кантонъ Швейцаріи, а въ лицѣ бѣльшаго государства, которое можетъ открыть намъ широкое поле для наблюденій.

Въ одномъ нельзя подражать Западу, это — въ проявляющихся тамъ стремленіяхъ къ низведенію суда присяжныхъ, посредствомъ законодательныхъ урѣзокъ и прокурорскихъ передержекъ, до степени декорации для торжественныхъ спектаклей, задаваемыхъ судами толпѣ.

Позволяю себѣ повторить изъ декабрьской статьи еще разъ нижеслѣдующія слова мои касательно суда присяжныхъ: «Онъ представляется большинству воплощеніемъ независимости отъ внѣшнихъ вліяній и отъ предразсудковъ, свойственныхъ книжнымъ и чиновнымъ юристамъ. Это чувство, съ которымъ необходимо считаться. Хотя бы при этомъ и играло нѣкоторую роль сентиментальное преклоненіе предъ мистическимъ обаяніемъ оракула «общественной совѣсти», своего рода «суевѣріе»,—но что же дѣлать? Судъ долженъ пользоваться довѣріемъ и расположеніемъ общества. Тогда только къ нему охотно обращаются и безропотно подчиняются его приговорамъ.

Неблагодарно слишкомъ размахисто сваливать даже кумиры, когда они поддерживаютъ чувства полезныя для общестственности.

А пока, предложенная, измѣненная форма присяжнаго суда могла бы быть примѣнена тамъ, куда присяжный судъ еще не проникалъ, къ дѣламъ, на которыя онъ не распространялся, и, между прочимъ, могъ бы замѣнить судъ сословныхъ представителей, которому никто не симпатизируетъ, несмотря на добросовѣстный и тяжелый трудъ лицъ, участвующихъ въ немъ.

Меня упрекнули еще въ противорѣчіяхъ. Указали на то, что я отношусь скептически къ умственному кругозору людей, изъ которыхъ вербуются большинство присяжныхъ засѣдателей, а между тѣмъ желаю сохраненія означеннаго института,—что я отдаю должное «юридическому складу ума» и въ тоже время не стою, повидимому, за безусловный ригоризмъ и формализмъ въ судебныхъ приговорахъ. Но развѣ одна логическая прямолинейность, жмурящая глаза по отношенію къ дѣйствительности,—признакъ здравости сужденій о ней? Развѣ обще-

ственная жизнь вообще не заключаетъ въ себѣ множества противорѣчій, ищущихъ примиренія со стороны практическаго разума?..

Но въ статьѣ моей, вызвавшей критическія замѣчанія, былъ затронутъ одинъ вопросъ, которому я придаю особенное значеніе и мимо котораго критика прошла почему-то молчаніемъ. Не чувствовала-ли она, что именно этотъ вопросъ представляетъ для нея скользкую почву? Я говорилъ, что выше всякой формы суда я ставлю самое существо правосудія, требующаго, чтобы судъ былъ свободенъ и независимъ въ своихъ рѣшеніяхъ, чтобы эти рѣшенія, дѣйствительно, подобно скалѣ гранитной, ограждали законныя права общества и отдѣльныхъ лицъ, а не выбрасывались за бортъ и не передѣлывались, когда они кому-либо не нравятся. Ратуя въ сущности противъ возможныхъ, въ иныхъ случаяхъ, проявленій такъ называемой кабинетной юстиціи, я высказалъ, что, по мнѣнію моему, нѣтъ ничего болѣе несогласнаго съ принципами присяжнаго суда, какъ то, что я назвалъ «кассационными придирками», связанными съ существомъ того или другаго дѣла.

Давно сказано: «дайте мнѣ строчку, написанную человекомъ, и я его повѣшу». Еще съ болѣею основательностью можетъ сказать тотъ, кто пріобрѣлъ опытность въ производствѣ судебныхъ дѣлъ: «дайте мнѣ любое рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и я его кассирую», будь только на это охота. Въ особенности, когда дѣло болѣе или менѣе сложное, когда открытію судебного слѣдствія предшествовало исписаніе нѣсколькихъ сотенъ, даже тысячъ, листовъ бумаги, сложенныхъ впоследствии въ большое число толстыхъ томовъ, когда судебное слѣдствіе длилось цѣлый рядъ дней,—въ такомъ дѣлѣ легко усмотрѣть сколько угодно «нарушеній», и если исходъ его, въ видѣ рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, былъ, съ известной точки зрѣнія, благополучный, то всѣ «нарушенія» представляются «не существенными», и можно на нихъ взглянуть

съ кассационныхъ высотъ, такъ сказать, въ розовыя очки. Напротивъ того, если исходъ былъ не благополучный, открывается возможность «проведенія сквозь строй» судебныхъ дѣятелей, всѣ вольныя и невольныя упущенія ихъ признать «существенными» и, поставивъ имъ каждое лыко въ строку, опрокинуть все производство. А невинная публика, и въ томъ числѣ добродушные послѣдователи культа присяжныхъ засѣдателей, при видѣ такого зрѣлища, обыкновенно восклицаетъ: «ахъ, какіе у насъ ужаснѣйшіе судебные слѣдователи!.. какіе невозможные молодые люди!.. какіе слабосильные прокуроры!.. какіе недомысливающіе предсѣдатели!..»

Кто долго самъ стоялъ за кулисами, тотъ лучше можетъ понять смыслъ подобнаго явленія и, вѣроятно, встрѣчался и со слѣдующею картиною.

Происходитъ разбирательство уголовного дѣла, приводящее въ трепетъ цѣлый городъ. Адвокаты говорятъ. дамы плачутъ присяжные оправдываютъ. Ближайшіе оффиціальныя, невольныя соучастники оправданія приходятъ въ ужасъ. Чувство служебнаго самосохраненія возбуждается въ нихъ въ высокой степени. Имъ становится извѣстнымъ, что начальство засуетилось. Они сознаютъ, они предчувствуютъ, что сверху могутъ посыпаться громы и можетъ возникнуть вопросъ, не упрятать-ли ихъ самихъ куда-нибудь очень далеко.

А тутъ жена, дѣти... и вся служебная карьера. Вѣдь присяжные разошлись, исчезли, а кто-нибудь долженъ же отвѣчать. Да, кромѣ того, извѣстно, что считается какъ бы признакомъ хорошаго тона говорить, что присяжные находятся всегда въ состояніи полной невмѣняемости и не отвѣтственны за свои дѣйствія. Между тѣмъ, во что бы то ни стало нужно найти виновнаго... Вотъ тутъ-то и начинается измышленіе кассационныхъ поводовъ. Не скомбинировать-ли то-то? Не придраться-ли къ тому-то? Сочиняются, подъ вліяніемъ паники, подогрѣваемой служебнымъ усердіемъ, такіе кассационныя мотивы, которые, привели бы въ восторгъ любого греческаго софиста.

Предлагается уничтожить дѣло вмѣстѣ съ рѣшеніемъ, постановленнымъ по совѣсти присяжными засѣдателями, потому что окружной судъ поступилъ «не вполне соответственнно» съ тою или другою статьею. Проводится тончайшее различіе между постановленіями, ограждающими права сторонъ, и такими, которыя ограждаютъ, будто бы, начала справедливости вообще. Предлагается — и это въ видѣ козыря — кассационному сенату войти въ разсмотрѣніе распоряженій судебной палаты съ фактической стороны дѣла по предварительному слѣдствію, уже вполне покрытому судебнымъ слѣдствіемъ, и о которомъ не должно бы быть послѣ этого разговоровъ, — на томъ основаніи, что сенатъ когда-то повѣрялъ палату, какъ обвинительную камеру, съ юридической стороны и т. п. Словомъ, разнообразію мотивовъ и усердію нѣтъ предѣловъ...

Если мнѣ будетъ разрѣшено еще разъ сослаться на собственную служебную практику, то скажу, что въ подобныхъ случаяхъ я, — когда имѣлъ власть, — изображая изъ себя родъ буфера между нервностью начальства и мнительностью моихъ сослуживцевъ, дѣятельность которыхъ была ввѣрена моему надзору, старался дѣйствовать на нихъ всегда умѣряющимъ, успокаивающимъ образомъ. Я говорилъ имъ, что если присяжные оправдали, то что же дѣлать? такъ оно, вѣроятно, и должно быть; на то они имѣли право по закону, и, по поводу этого, не надлежитъ ни сочинять разныя хитросплетенія, ни обвинять кого-либо въ мнимыхъ нарушеніяхъ, ни насиловать здраваго смысла и, благодаря такимъ приемамъ, тащить на судъ оправданнаго подсудимаго, а тѣмъ менѣе заключать его въ домъ умалишенныхъ. Я добавлялъ, что, по всей вѣроятности, начальство, поволновавшись, скоро утихнетъ и само, по размышленіи зрѣломъ, будетъ довольно, что было поступлено какъ слѣдуетъ.

По правдѣ говоря, въ подобныхъ случаяхъ, ни съ чьей стороны нѣтъ «вины». Лица судебного вѣдомства исполнили тяжелый долгъ свой по мѣрѣ силъ. Присяжные засѣдатели

рѣшили дѣло по чистой совѣсти. Выуженныя впоследствии изъ обширнаго производства, съ особеннымъ искусствомъ и выдающеюся проницательностью, «упущенія» и «нарушенія» нисколько не помѣшали присяжнымъ составить себѣ совершенно вѣрное понятіе какъ о обстоятельствахъ дѣла, такъ и о личности подсудимаго. Если есть какая либо и съ чьей либо стороны «вина», то она вся заключается въ томъ, что присяжные не попали въ тактъ, что рѣшеніе ихъ, соотвѣтствуя ихъ внутреннему чувству, не соотвѣтствуетъ извѣстнымъ взглядамъ и соображеніямъ другихъ лицъ. Но для чего же существуютъ присяжные засѣдатели на свѣтѣ, для чего они сочинены, какъ не для того, чтобы не всегда думать такъ, какъ думаетъ начальство?

Кассационное производство — самый опасный пунктъ для независимости института присяжныхъ засѣдателей. Если тамъ отмѣняются рѣшенія ихъ въ связи съ фактическими обстоятельствами дѣла, и къ тому по соображеніямъ, не всегда чуждымъ помысленій о томъ, какія вѣянія исходятъ изъ нѣкоторыхъ кабинетовъ, то что же остается отъ всего института? На это отвѣчаютъ обыкновенно такъ: «гг. сенаторы — люди. Они не могутъ зажмурить глаза и не знаютъ, какое они дѣло рѣшаютъ. Кассационный сенатъ — не академія юридическаго искусства, изрекающая судебную мудрость безотносительно къ тому или другому дѣлу».

Это такъ. Но на это я замѣчу, что гг. кассационные сенаторы не только люди, но и люди закона, знающіе какъ власть предоставлена присяжнымъ засѣдателямъ и какими предѣлами ограничена ихъ собственная дѣятельность. Стоя твердо, неуклонно на почвѣ закона они создаютъ традицію и сами лучше ограждены отъ всякихъ искушеній подчиниться случайно внѣшнимъ вліяніямъ.

Если же внизу господствуетъ свобода народнаго убѣжденія, а на верху тенденціозный, парализующій такое убѣжденіе формализмъ, то какой смыслъ во всемъ учрежденіи?

Критика указала, что я будто бы «отрицаю тѣсную связь между вердиктомъ присяжныхъ и всей предшествующей судебной процедурой». Это совершенно невѣрно. Я нисколько не отрицаю, но различаю между дѣйствительною связью и мнимою. Я даже могу самъ указать разительный, заслуживающій особеннаго вниманія, примѣръ того, какъ судебное производство можетъ совершенно отклонить вниманіе присяжныхъ отъ обстоятельствъ того дѣла, для разрѣшенія котораго они призваны. Это примѣръ изъ французской судебной практики: дѣло маркиза де-Нэвъ, обвинявшагося въ томъ, что онъ умышенно лишилъ жизни 15-ти лѣтняго незаконнаго, предбрачнаго сына своей жены, прижитаго ею съ лицомъ низшаго сословія. Обвиненіе утверждало, что маркизь, желая отдѣлаться отъ мальчика, ставшаго крайне неудобнымъ, увезъ его въ Италію и тамъ, въ окрестностяхъ Неаполя, во время вечерней прогулки, столкнулъ его съ возвышенности въ заливъ, съ цѣлью его утопить. Мальчикъ, падая въ бездну, разбился о скалу, но не былъ, вопреки ожиданіямъ убійцы, унесенъ волною... Трупъ его былъ найденъ на другой день подъ скалою. При самомъ происшествіи никто не присутствовалъ, но были свидѣтели, видѣвшіе маркиза и мальчика за нѣсколько минутъ до паденія послѣдняго, а другіе, которые видѣли тотчасъ послѣ событія предполагаемаго убійцу, отправившагося, когда освободился отъ мальчика, въ домъ терпимости въ Сорренто, гдѣ провелъ ночь. Предшествовавшее поведеніе маркиза, задолго до смерти мальчика, и послѣдующее за нею было точно, до мельчайшихъ обстоятельствъ, обслѣдовано и предварительное слѣдствіе ведено безукоризненно, какъ италянскими, такъ и французскими судебными властями. Читая обвинительный актъ и взвѣсивая указанныя въ немъ улики, нельзя было сомнѣваться въ виновности подсудимаго. Между тѣмъ, когда дѣло дошло до суда, все измѣнилось.

Если-бы дѣло разбиралось въ Англіи или въ Россіи, то, конечно, провели бы много времени, въ особенности въ Англіи,

за допросомъ свидѣтелей, которыхъ вызвали бы съ мѣста для уясненія всѣхъ обстоятельствъ, связанныхъ съ событіемъ. Французскій же прокуроръ, не желая прежде всего обременять отечественное казначейство излишними расходами на вызовъ свидѣтелей и рассчитывая, что онъ фразами, которыми намѣренъ былъ угощать присяжныхъ, замѣнить всякіе допросы, осмотры и т. п. никакихъ свидѣтелей изъ Неаполя не вызвалъ. О самомъ происшествіи поговорили на судѣ поверхностнѣйшимъ образомъ. И все очень длинное производство съ присяжными свелось къ уясненію вопросовъ, по какому внутреннему побужденію жена маркиза объявила прокурору, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ молчанія, объ этомъ убійствѣ? (Обстоятельство совершенно не существенное, такъ какъ дѣло велось въ порядкѣ публичнаго обвиненія и было безразлично, по какому поводу прокуроромъ начато дѣло, разъ онъ его началъ и велъ). Далѣе—не побудилъ-ли къ этому маркизу аббатъ, наставникъ дѣтей ея и подсудимаго? Какія отношенія существовали между маркизою и аббатомъ? Дѣйствительно ли аббатъ вредно вліялъ на патріотическія чувства своихъ учениковъ? и т. п. Словомъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней на судѣ говорили о пустякахъ. Объ убитомъ, о обстоятельствахъ происшествія совсѣмъ забыли. Разгорѣлись антиклерикальныя и патріотическія страсти. Зашла даже рѣчь объ Эльзасѣ и Лотарингіи, утраченныхъ французами, и которыхъ этотъ интересный народъ никогда не лишился бы, если бы ему были свойственны нѣсколько иныя психологическія черты.

Вслѣдствіе такого оборота дѣла, присяжные, не получившіе никакого представленія о томъ, какъ совершилось преступное событіе, и отвлеченные совсѣмъ другими мыслями, оправдали обвиняемаго. И иначе быть не могло.

Кто же виноватъ въ этомъ? Конечно, прокуроръ, который допустилъ подобное веденіе дѣла.

Тѣмъ не менѣе, въ силу французскаго закона, только самъ представитель обвинительной власти могъ быть привлеченъ къ

отвѣтственности въ служебномъ порядкѣ; но оправдательный приговоръ присяжныхъ не подлежалъ уже отмѣнѣ. Никому не пришлось ломать головы надъ измышленіемъ кассационныхъ поводовъ, а оправданному подсудимому не угрожала попытка вторичнаго суда,—ни вновь скамья подсудимыхъ, ни еще неизвѣданный домъ умалишенныхъ.

Въ заключеніе, я выражу пожеланіе, чтобы тѣ, которые дорожатъ присутвіемъ общественнаго элемента въ уголовныхъ судахъ, обсуждали вопросъ о наиболѣе цѣлесообразной формѣ такого присутствія по возможности объективно и чтобы, размышляя о формахъ, они не упустили изъ виду того, что существо правосудія, помимо всякихъ формъ, ограждается прежде всего независимостью и непоколебимостью судебныхъ рѣшеній и приговоровъ.

